

ЖИЗНЬ вступила в поэму «Двенадцать» почти без всяких усилий. Она насквозь слышна, озучена. Несется потоками. Реализм — символичен, а в символике — вихрем реальное: ответы, вопросы, восклицания. Прежде чем стать поэтической строкой, явления жизни и природы состоялись. У вьюг, снегов, морозов, музыки, у всего построения поэмы есть точный исходный адрес — январь восемнадцатого года. Строчки дневника, как ноты будущей музыки. Именно ноты. Здесь преобладают не краски, а настроения, чувства, отношение к событиям. Чувства стройны, вытянуты, смотрят вдаль.

Выписываю из записной книжки Блока: страшный мороз; к вечеру — циклон; оттепель, ветер; опять — ураган; мокрый снег; скользко, холодно, темно; туман, фонарей не видно, за два шага не видно человека.

Вы чувствуете, уже звучит, не давая покоя, натянутая струна — поэзия:

*Ой, вьюга, ой, вьюга!
Не видать совсем
друг друга
За четыре за шага!*

Восьмого января Блок записал:

«Весь день — «Двенадцать». Но далее записные книжки так густо заселены событиями, что становится очевидным — вплоть до 25 января Блок почти не работал над поэмой.

«Мои «Двенадцать» не двигаются. Мне холодно». Это записано 15 января. «Холодно» — сказано, наверное, и о состоянии творческого, когда не пишется и кружится, машет крыльями лишь тревога, дыхание сумерек.

Еще запись: «Думы, думы — и планы, столько, что мешает приняться за что-либо прочно». Дальше — горечь, сожаление: «А свое бы писать». (Это о «Двенадцати»).

События же такие, что к ним нельзя быть безучастным. Раян и возвышаются, проходят через сердце. Воздух разорван ветром. Блок любил афоризм «Прекрасное всегда трудно». В тугих, упругих ритмах этих событий испытывались его честь, совесть, и он весь открылся, став великим перед историей и будущим.

Блок участвует в заседаниях, которое назовет дельным и стройным. Председательствует А. В. Луначарский. Вырабатывается тип издания классической литературы. Шрифты, формат, новая орфография, иллюстрации, предисловия и примечания — все должно быть народно, доступно. Блок — активный участник разговора. Луначарский, прощаясь, скажет: «Позвольте пожать вашу руку, товарищ Блок».

«Товарищ Блок» — это было благодарное рукопожатие Советской власти мужественному поэту, которого контрреволюция уже успела назвать изменником. Еще бы! На вопрос анкеты: «Может ли интеллигенция работать с большевиками?» — Блок ответил прямо и ясно: «Может и обязана». Такого не ожидали.

Итак, 25 января. До рождения поэмы осталось четыре дня. Всего лишь четыре. Два из них тоже будут заполнены, отвлечены от главного, творческого. Знаешь, что впереди будет поэма. Но невольно волнуешься, оказавшись в событиях и фактах до появления поэмы: успеет ли, сможет? Но — наконец-то!

Двадцать восьмого января в записной книжке одноединственное слово — «Двенадцать». Полное единение с замыслом. Грозовая, чистая, лилово-огневая молниеносность творчества. В «Двенадцати» Блок — создатель стихий, грозных контрастов, мятежности, свободы и гармонии; идеальный, возвышенный сын своего времени. На следующий день Александр Блок сделает запись, достойную великого художника: «Страшный шум, возмущающий во мне и вокруг... Сегодня я — гений». В этой поэме смысловые,

жизненные ритмы истории, философии, политики слились в едином, контрастном потоке — и, лишь чувствуя их «неразлучность» (слово А. Блока), можно понять образ поэмы. Стихия — не только стихийное, необузданное, взбурлившееся, дикое:

*Запирайте етажи,
Нынче будут грабежи!*

Стихия — порыв и воля, мечта и гнев народа:

Сыплется судорожный град недоумений, вопросов, и самый страшный среди них для Зинаиды Гиппиус: не с большевиками ли он?

Блок отвечает еще более решительно и открыто: «Да, если хотите, я скорее с большевиками, они требуют мира, они...»

— А Россия?! Россия?! Вы с большевиками и забыли Россию (!!!). Ведь Россия страдает.

— Ну, она не очень-то

прихлебатели истории — мечтаете. Уверенный в том, что жизнь прекрасна, он страдал, когда срывались ожидаемая музыкальность, волевые импульсы, штрихи нового.

Нельзя забывать, что послереволюционный быт был сквозящим, неустойчивым, зыбким, то и дело клонился на край гибели — от голода, отчаяния. Невозможно читать, когда поэт пишет: «ни пищи, ни денег», «умру с голоду. — Затихаю, затихаю». Это строки из восемнадцатого года, как раз из тех дней, когда Ленин писал в телеграмме питерским рабочим в связи с подступившим голодом: «Помните, что положение революции критическое. Помните, что спасти революцию можете только вы; больше некому».

Блок жил, работал, вместе с М. Горьким неустанно и необыкновенно строил новую культуру, обретая силу и в том, что революция брала в свой державный путь и его крепкие, уверенные лозунги.

Ему предлагали лечиться, ехать за границу. Поэт отказывался. Не то время. Еще кто-то решит, что он эмигрирует.

Еще раньше он говорил и себе как поэту:

*Твой взгляд — да будет
тверд и ясен.
Сотри случайные черты —
И ты увидишь:
мир прекрасен.
Познай, где свет, —
поймешь, где тьма.*

Он знал, что при неслыханных переменах возможна и «минута замедления». Такова диалектика истории. 13 февраля 1920 года поэт посвоему объяснял это актерам театра: «Разрушение еще не закончилось, но оно уже убывает. Строительство еще не началось. Музыка старой — уже нет, новой — еще нет».

Блок чувствует, что он будет, этот рубеж, этот переход. Нужно было усилие, чтобы страна заговорила музыкой созидания и в этом облике обрела новую легучесть, крылатость. Блок стоял на пороге того времени, когда ленинское «предвиденье доброго» впервые затрепетало красным флагом планов, замыслов.

Он считал, что первым и главным признаком настоящего писателя является чувство пути.

«Только наличием пути, — говорил поэт, — определяется внутренний «такт» писателя, его ритм. Всего опаснее — утрата этого ритма. Неустанное напряжение внутреннего слуха, прислушивание как бы к отдаленной музыке есть неперемное условие писательского бытия».

Своей поэмой «Двенадцать» Блок сделал вечно возобновляемой музыку — гулы, раскаты, ритмы нового мира, в самом начале его рождения. Что может быть выше для поэта, жившего в революционные годы?

Есть три очень близких произведения в советской литературе. Они отдалены друг от друга во времени. Разный опыт и талант вызывал эти художественные создания. Одно из них даже не поэма, а роман или роман-поэма. Но их роднит, сближает общее звучание, услышанное авторами всем сердцем и разумом в жизни. Это — «Двенадцать» Блока, «Хорошо!» Маяковского, «Молодая гвардия» Фадеева. Произведения пришли к читателю, когда жизнь как бы заново рождалась — в революции, в строительстве или в битвах Великой Отечественной. Все еще клубилось и дымилось, лилась кровь, множилось страдание, но уже и виделся тот миг, который так необходим в жизни и борьбе, тот высший миг радости, когда проступает, становится очевидной победа. Это было не только в сознании поэтов, но и в душах людей. Они пережили и озвучили взлет, дух, правду общенародного настроения. Такое творчество как раз и утверждает в нашем сознании чувство пути.

И. ЖУКОВ.

О ЧЕМ ПЕЛ ВЕТЕР

Чувство пути в творчестве А. Блока

Революционный держите шаг!..

*В очи бьется
Красный флаг.
Раздается
Мерный шаг.*

*Вдаль идут державным
шагом...
— Кто еще там? Выходи!
Это — ветер с красным
флагом.
Разыгрался впереди...*

В январе была опубликована знаменитая статья Блока «Интеллигенция и революция», в которой он скажет с удивительной точностью: «Мир и братство народов» — вот знак, под которым проходит русская революция. Вот о чем ревет ее поток. Вот музыка, которую имеющий уши должен слышать».

Поэт живет современностью, горит огнем немедленного знания и действия: «Передать все. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы была лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью».

Поэт долго шел к этому настроению. Оно будет вырваться в категоричных «да» и «нет», «за» и «против». Являться в стихах, в записях, жестких спорах, разрывах. «О чем поет ветер» — так назовет Блок свой поэтический цикл, написанный перед революцией, но в этой поэме все лирические «ветровые» мотивы, мысли и предчувствия звучат по-новому, их окружает и оформляет новая эпоха — революция.

Бывшие его друзьями, после революции — белоэмигранты, З. Гиппиус и Мережковский в начале октября 1917 года затевают издание антибольшевистской газеты. Блоку сообщают об этом позже других, ибо не было у них сомнения в том, что поэт даст согласие участвовать в этой затее.

И что же? Блок был первым, который сказал:

«Нет, я в такой газете не могу участвовать. — Что вы говорите! Вы не согласны? Да в чем же дело?»

страдает», — отвечает Блок, и у его собеседницы «дух перехватило».

Когда З. Гиппиус произнесла слова «Россия страдает», у Блока, наверное, вспыхнул взгляд. От боли, от гнева, возмущения. Ему ли не знать о народных страданиях. Он был на фронте, несколько месяцев работал в комиссии по расследованию преступлений царского правительства. Его ценили в этой комиссии за исключительную честность. Пришло время, и он почувствовал, кому выводить Россию из горя и страданий. После Октября слова «Россия, Родина» остаются для него символами будущего. Когда он размышляет о Родине, слова звенят, льются, кажутся, отливают его любимым гранатово-сиреневым цветом, чистыми кристаллами, как на картинах Врубеля.

Если бы эти люди знали, что писал Блок в своих дневниках, и видели его таким, каким он был, вряд ли возникла бы даже мысль звонить ему. Они не знали, что он, Блок, уже шагнул в социалистический мир. 19 октября 1917 года, за шесть дней до революции, Блок записывает: «Вчера в Совете рабочих и солдатских депутатов произошел крупный раскол... Один только Ленин верит, что захват власти демократией действительно ликвидирует войну и наладит все в стране... Одни — с отчаянья, а Ленин — с предвиденьем доброго».

«Предвиденье доброго». Поражает, как верно нашел поэт ключ к характеру Ленина, к человеческой сущности жизни вождя.

Мы заученно говорим: Блок чего-то не понимал и не принимал в революционных событиях. В этом есть правда. Но, точнее сказать, Блок не принимал чаще всего то, что смотрело из «этажей» злобыными гримасами, тянулось за революцией старым, мешавшим обзом, пылью, рухлядью. С годами нам яснее, ближе, понятнее его чуткая, раинмая и волевая устремленность в социализм. В нем вызывали ярый протест и вульгарные разрушители русской и мировой культуры, и перекочевавшие в новый быт